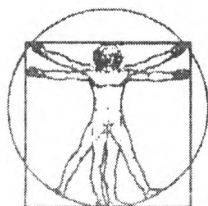

Рефлексия на себя и на других

Рефлексия сквозь время

Михаил Щепенко

«И ВИЖДЬ, И ВНЕМЛИ...»

Эта публикация знакомит с пьесой, написанной и поставленной в Московском театре русской драмы «Камерная сцена». Первый спектакль состоялся точно в день 200-летия А.С. Пушкина. Однако причиной создания спектакля был не юбилей. Это, скорее, повод. Причин, по крайней мере, две. Первая – отрицательная.

Марина Цветаева внесла в пушкинистику, на мой взгляд, порочный принцип. Он просто и явно обозначен в названии ее работы: «Мой Пушкин». По этому принципу создавались и создаются разнообразные концепции личности поэта. Вот до такой-то точки А.С. Пушкин «мой», а дальше – он «не мой». В результате мы имеем некие, как бы это точнее выразиться, химеры, некие фантомы, некие мумии, которые пытаются быть копией личности поэта, а на самом деле воплощают очередную идеологический взгляд, в прокрустово ложе которого А.С. Пушкин не втискивается, надо что-то отсечь. А что-то и прибавить. Так возник в общественном сознании «Пушкин-революционер». Он не был революционером. Так возник «Пушкин – враг монархии». Он таковым не был. «Пушкин – атеист». «Пушкин – последовательный христианин». «Пушкин – певец блуда и пьянства (Вакха и Венеры)». «Пушкин – примерный семьянин». «Певец дружбы». И «проклинающий всякую

дружбу». И это тоже химеры. В результате возникают мнения крайние, например, появляется книга А. Мадорского «Сатанинские зигзаги Пушкина», само название которой уже не нужно комментировать. Ап. Григорьев, кажется, в бессилии заметил: «Пушкин – наше все»...

Думается, эти крайние мнения грешат стремлением создать статичный образ поэта, допуская развитие его личности лишь в пределах своей личной идеологии.

Однако А.С. Пушкин не статичен. Он – процесс. Процесс бурного, бурливого развития. Здесь, собственно, и содержится вторая – положительная – причина, побудившая нас к этому спектаклю. Есть очевидные факты биографии А.С. Пушкина. Нам было важно проследить – от чего к чему двигался поэт в процессе становления личности. Мы не отказываемся от его «сатанинских», но и от его христианских устремлений. Собственно, вся пьеса, построенная по принципу монтажа исторических документов (от себя мы не прибавляем ни строчки), надеюсь, ощутимо дает понять, в чем состоит реальный исход земного бытия поэта. И актуальность этого исхода для нас сегодняшних делает личность А.С. Пушкина невероятно значимой и в XXI веке.

Я трепещу и
проклинаяю

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда, –
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаяю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

А.С. Пушкин [1]

Сатанинские
зигзаги

«Пушкин составлял какое-то загадочное, двуличное существо».

В. Сафонович [2]

«Как устранить два противоположных воззрения на Пушкина, существующих донныне в большинстве наше-

го общества, из которых одно представляет его прототипом демонической природы, не признававшей ничего святого на земле, кроме своих личных и авторских интересов, а другое, наоборот, переносит на него самого всю нежность, свежесть и задушевность его лирических произведений, считая человека и поэта за одно и то же духовное лицо...».

П.В. Анненков [3]

А Пушкин –
наше все

«А Пушкин – наше все: Пушкин – представитель всего нашего русского душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами».

А.А. Григорьев [4]

«Пушкин был человек больше чем легких нравов. Умер он на дуэли, т.е. при покушении на убийство другого человека. Вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные».

Л.Н. Толстой [5]

Пушкин – явление

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Н.В. Гоголь [6]

«Восторг и растерянность порождает во мне эта неистребимая жажда людей видеть гармонию, которой нет и в мигине, вдыхать благостность, которой и не пахнет.

Александр Сергеевич на деле испытывал не восторг, а отвращение к Божьим тварям человеческого облика, сколь часто он не радел и не воодушевлял, а высмеивал и проклинал каждого: от женщины до монаха, от царя до журналиста. И при том сам мучался ужасно. Да и как может быть иначе у человека ни в чем не стойкого, до всего охочего?»

А. Мадорский [7]

В защиту
Пушкина

«Публично выставлять нехристианином человека и даже противником Христа, основываясь на некоторых несовершенствах его души и на том, что он увлекался светом так же, как и всяк из нас им увлекался, – разве это христианское дело? Да и кто же из нас тогда христианин? Христианин перед тем, чтобы обвинить кого-либо в таком преступлении, каково есть непризнание Бога, задумается, потому что дело это страшное. Христианин,

наместо того, чтобы говорить о тех местах в Пушкине, которых смысл еще темен, станет говорить о том, что ясно, что было им произведено в лета разумного мужества, а не увлекающейся юности».

Н.В. Гоголь [8]

«Ни одна европейская культура в новое время не претерпела такой катастрофы, такого крутого, мгновенного, жесткого тотального слома, какой претерпела русская культура в эпоху Петра. По существу, реформы Петра были попыткой переделать нацию, «перестроить» национальное сознание в протестантском духе. Но Россия не поддалась. В ответ на эту попытку она породила явление Пушкина – самое, думаю, удивительное, самое совершенное и самое загадочное явление европейской культуры, которое, смею сказать, во всей мировой культуре стоит особняком; которое дало начало той великой русской классике, той «святой», по выражению Томаса Манна, литературе, которая тоже есть явление совершенное особое в мире».

В.С. Непомятый [9]

Пусть Пушкин
радеет за всех

«Пушкинская поэзия идет на потребу миру – такому, каков он есть, и состоит в пожелании ему долгих лет, доброго здоровья, боевых успехов и личного счастья. Пусть солдат воюет, царь царствует, женщина любит, монах постится, а Пушкин, пусть Пушкин на все это смотрит, обо всем этом пишет, радея за всех и воодушевляя каждого».

Абрам Терц [10]

«Пушкин не только есть великий писатель; нет, он имеет и свою религиозную судьбу, как Гоголь; или Толстой, или Достоевский, и, может быть, даже более значительную, и, во всяком случае, более таинственную».

С.Н. Булгаков [11]

Пророческая сила
поэта

«И мы не только не придаем значения пересудам некоторых современников его о нем, о его страстных проявлениях, о его кипении и порывах; но еще с любовью собираем и бережно храним пылинки того праха, который вился солнечным столбом за вихрем пушкинского гения. Ибо мы хорошо знаем, что всякое движение на земле поднимает «пыль»; что ничто великое на земле невозможно вне страсти; что свят и совершенен только один Господь; и что одна из величайших радостей в жизни состоит в том, чтобы найти отпечаток гения в земном

прахе и чтобы увидеть, узнать в пламени человеческой страсти – очищающий ее огонь божественного вдохновения.

Мы говорим не о церковной «святости» нашего великого поэта, а о его пророческой силе и о божественной окрыленности его творчества».

И.А. Ильин [12]

Погиб поэт,
невольник чести

Погиб поэт, невольник чести,
Пал оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и с жаждой мести,
Поникнув гордой головой...
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, чудный дар...

М.Ю. Лермонтов [13]

Невольник гнева
и мщения

«Пушкина будто бы не признавали и преследовали! Но что же, собственно, не признавалось в нем, что было предметом вражды и гонений? Его художественное творчество? Едва ли, однако, во всемирной литературе найдется другой пример великого писателя, который так рано, как Пушкин, стал общепризнанным и популярным в своей стране. А говорить о гонениях, которым будто бы подвергался наш поэт, можно только для красоты слога.

Если он был «невольником», то не «невольником чести», как назвал его Лермонтов, а только невольником той страсти гнева и мщения, которой он весь отдался.

Но и тут еще не все было потеряно. Во время самой дуэли раненный противником очень опасно, но не безусловно смертельно, Пушкин еще был господином своей участи. Во всяком случае, мнимая честь была удовлетворена опасною ранюю. Продолжение дуэли было делом только злой страсти. Когда секунданты подошли к раненому, он поднялся и с гневными словами: «Подождите, у меня хватит силы на выстрел!» – недрожащею рукою выстрелил в своего противника и слегка ранил его. Это крайнее душевное напряжение, этот отчаянный порыв страсти окончательно сломил силы Пушкина и действительно решил его земную участь. Пушкин убит не пулею Дантеса, а своим собственным выстрелом в него».

В.С. Соловьев [14]

Пушкин – явление
чрезвычайное

«Но позвольте! Ведь Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет!»

Н.В. Гоголь [15]

О свободе личности
и о себе

«Молодость – это горячка, безумие, напасть. Ее побуждения обычно бывают благородны, в нравственном смысле даже возвышенны, но чаще всего ведут к великой глупости, а то и к большой вине. Я считался либералом, революционером, конспиратором, – словом, одним из самых упорных врагов монархизма и в особенности самодержавия. Таков я и был в действительности. Философия XVIII века, ставившая себе единственной целью свободу человеческой личности и к этой цели стремившаяся всю силою отрицания прежних социальных и политических законов, всю силою издевательства над тем, что одобрялось из века в век и почиталось из поколения в поколение, – эта философия энциклопедистов, принеся миру так много хорошего, но несравненно больше дурного, немало повредила и мне. Крайние теории абсолютной свободы, не признающей над собою ничего ни на земле, ни на небе; индивидуализм, не считавшийся с устоями, традициями, обычаями, с семьей, народом и государством; отрицание всякой веры в загробную жизнь души, всяких религиозных обрядов и догматов, – все это наполнило мою голову каким-то сияющим и соблазнительным хаосом снов, миражей, идеалов.

Мне казалось, что подчинение закону есть унижение, всякая власть – насилие, каждый монарх – угнетатель, тиран своей страны, и что не только можно, но и похвально покушаться на него словом и делом. Я не помнил себя от радости, когда мне запретили въезд в обе столицы и окружили меня строгим полицейским надзором. Я воображал, что вырос до размеров великого человека и напугал правительство. Что я писал тогда?»

А.С. Пушкин [16]

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

А.С. Пушкин [17]

«Везде неправедная власть...»

«Царскосельский лицей подготавливал лицеистов не столько к государственной службе, сколько к вступлению в тайные противоправительственные общества.

Молодой вертопрах должен при сем порицать на смешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском знать все дерзкие и возмутительные стихи и места из революционных сочинений. Сверх того, он должен тол-

ковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах, казаться неверующим христианским догматам, а больше всего представляться Филантропом и русским филантропом».

*Автор записки
«Нечто о Царскомельском лицее и духе его» [18]*

Увы! Куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предассуждений
Воссела – рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

А.С. Пушкин [19]

Нет такой крайности, как нет и такого совершенства

«Исполненный горестей в продолжение своего детства, молодой Пушкин покинул родительский дом, не испытывая сожаления. Его сердце, лишенное всякой сыновней привязанности, могло чувствовать одно лишь страстное стремление к независимости. Этот ученик Лицея уже в раннем возрасте проявил гениальность необыкновенную. Успехи его в Лицее были быстры, его ум возбуждал удивление, но его характер, по-видимому, ускользнул от внимания наставников... Нет такой крайности, в какую бы не впадал этот несчастный молодой человек, как нет и такого совершенства, которого он не мог бы достигнуть превосходством своих дарований... Несколько стихотворений, а в особенности ода на свободу, обратили на г. Пушкина внимание Правительства: наряду с величайшими красотоми замысла и исполнения, это последнее стихотворение обнаруживает опасные начала, почерпнутые в современной школе или, лучше сказать, в той анархической системе, которую люди неблагонамеренные называют системой прав человека, свободы и независимости народов. Тем не менее господа Карамзин и Жуковский, узнав об опасности, угрожавшей молодому поэту, поспешили преподавать ему свои советы, побудили его сознаться в своих заблуждениях и взяли с него торжественное обещание навсегда от них отказаться. Его судьба будет зависеть от Ваших добрых советов. Благоволите же преподавать ему таковые. Благоволите просветить его неопытность, внушая ему, что достоинства ума без достоинств сердца являются почти всегда гибельным преимуществом и что весьма многие примеры показывают, что люди, одаренные прекрасным гением, но не искавшие в религии и нравственности охра-

ны против опасных уклонений, были причиной несчастий как для себя самих, так и для своих сограждан».

Письмо главному попечителю колонистов Южного края, генералу Инзову, подписанное графом К.В. Нессельроде и утвержденное Императором Александром Павловичем [20]

«Но потерял я
только время,
Благие мысли
и труды...»

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

А.С. Пушкин [21]

Тайное общество

«Итак, я был принят в тайное общество. Эта высокая цель жизни, самой своей таинственностью и начертанием новых обязанностей, резко и глубоко проникла в душу мою: я как будто вдруг получил особенное значение в собственных своих глазах. Первая моя мысль была открыться Пушкину; он всегда согласно со мной мыслил о деле общем, по-своему проповедовал в нашем смысле и изустно, и письменно – стихами и прозой. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадежными – пугали меня. Он затруднял меня расспросами, от которых я, как умел, отделывался, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на вольность» и другие в том же духе.

Образ его мысли
всем хорошо был
известен...

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас нем, что любил, например, вертеться у оркестра, около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственной улыбкою выслушивали его шутки, остроты... Невольно являлся вопрос: почему же помимо меня никто из близко знакомых ему, старших наших членов, не думал об нем? Значит, их оттаивало почти то же, что меня пугало; образ его мыслей всем хорошо был известен, но не было полного к

нему доверия. Мысль о принятии Пушкина исчезла из моей головы. Я страдал за него, и подчас мне опять казалось, что, может быть, тайное общество сокровенным своим клеймом поможет ему повнимательнее и построже взглянуть на самого себя, сделать некоторые изменения в ненормальном своем быту. Я знал, что он иногда скорбел о своих промахах, обличал их в близких наших откровенных беседах, но видно не пришла еще пора кипучей его природе уgomониться. Как ни вертел я все это в уме и сердце, кончил тем, что сознал себя не вправе действовать по личному шаткому воззрению».

И.С. Пушкин [22]

Диалог

Будущий декабрист: Скажите, Пушкин, если бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы наверное к нему не присоединились бы?

Пушкин: Напротив, наверно бы присоединился.

Будущий декабрист: В таком случае, давайте руку. (*Пушкин протягивает руку*)

Будущий декабрист (рассмеявшись): Разумеется, все это только одна шутка.

Пушкин: Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженную и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка.

Из мемуаров одного декабриста [23]

«Я не стоил этой чести»

«В 27 году я отправлялась в Сибирь к моему мужу Никите. Пушкин пришел проститься. Он сказал мне: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести».

Из воспоминаний А.Г. Муравьевой [24]

«Мой нрав – неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вместе с тем, слабый».

А.С. Пушкин [25]

«Тебе придется иметь дело с людьми...»

Из поучений А.С. Пушкина младшему брату Льву: «Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это – средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей.

Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит, особенно же остерегайся допускать ее в обращении

с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость; ибо всегда рады судить о других по себе.

«Чем меньше любим мы женщину...»

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею.

Никогда не забывай умышленной обиды.

Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта».

А.С. Пушкин [26]

«Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно
навещать меня...»

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия –
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, –
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осень,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистощимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою,
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

А.С. Пушкин [27]

Талант прекрасный;
жаль, что нет
мира в душе

«Талант, действительно, прекрасный; жаль, что нет мира в душе, а в голове благоразумия. Ежели не исправится, – будет бесом еще до отбытия своего в ад».

Н.М. Карамзин [28]

Я жертва долгих заблуждений,
Разврата пламенных страстей
И жажды сильных впечатлений
И бурной юности моей.

А.С. Пушкин [29]

Как здоровье и талант его выдержали...

«В лице он превосходил всех чувственностью, а после, в свете, предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. Должно дивиться, как и здоровье, и талант его выдержали такой образ жизни, с которым естественно сопрягались и частые гнусные болезни, низводившие его на край могилы... Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата».

*Лицейский товарищ поэта
барон М. Корф [30]*

Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся,
И за чашей отдыхай!

А.С. Пушкин [31]

Из южной ссылки: «Обедаем славно – я пью, как Лот содомский. Недавно выдался наш молодой денек – я был президентом попойки – все перепились и потом поехали по блудницам».

А.С. Пушкин [32]

А я, повеса вечно-праздный,
Потомок негров безобразный,
Взрощенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний...

А.С. Пушкин [33]

«Пушкин простудился, дожидаясь у дверей одной блудницы, которая не пускала его в дождь к себе для того, чтобы не заразить своею болезнью. Какая борьба великодушия, любви и разврата!»

А.И. Тургенев [34]

«С толпою чувства
разделяя...»

И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

А.С. Пушкин [35]

«Пушкин! Я страстно желаю, чтобы ты сделал неко-
торые изменения в ненормальном своем быту».

И.С. Пущин [36]

«Клянү коварные
старанья
Преступной
юности моей...»

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю,
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук,
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Клянү коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Клянү речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковых дев,
И слезы их, и поздний ропот.

А.С. Пушкин [37]

«Твоя слава теперешняя никуда не годится... она
согласна с твоим достоинством». *В.А. Жуковский [38]*

Он тратил жизнь

«Ты тратил жизнь с оскорбительною для нас расто-
чительностью, тратил и физически и нравственно. Пора
уняться! Твоя судьба должна быть достойна твоего гения
и тех, которые, как я, знают ему цену, его любят и пото-
му тебя не оправдывают».

В.А. Жуковский [39]

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу моему наносят хладный свет
Неотразимые обиды.
И нет отрады мне.

А.С. Пушкин [40]

Это был сын Отца
Небесного...
особенно любимый

«Это был сын Отца Небесного, как и все мы, но сын особенно любимый, потому что необычайно одаренный. Любимейший сын неба не только нечисто мыслит и чувствовал, но и поступал, и не только поступал, мыслит и чувствовал, но и высказывал свои мысли и чувства, стремления и поступки прелестными стихами. Все изумилась этой прелести и извинили, а извинив, и пристрастились к ней».

Архиепископ Никанор (Бровкович) [41]

«Выходит, что наш поэт все свои помыслы и чувства, все силы и дарования посвятил на служение похоти плоти (не так ли?), похоти очес (не так ли?) и гордости житейской (не так ли?); посвятил страстям, сидящим в сердце человеческом, в нашем плотском душевном человеке, который воюет против человека духовного, миру и князю мира сего».

Архиепископ Никанор (Бровкович) [42]

Славою покрытый
сочинитель

Сочинитель и Разбойник

В жилище мрачное теней
На суд предстали пред судей
В один и тот же час: Грабитель
(Он по большим дорогам разбивал
И в петлю наконец попал);
Другой был славою покрытый Сочинитель:
Он тонкий разливал в своих твореньях яд.
Вселял безверие, укоренял разврат,
Был, как Сирена, сладкогласен
И, как Сирена, был опасен.
В аду обряд судебный скор;
Нет проволочек бесполезных:
В минуту сделан приговор.
На страшных двух цепях железных
Повешены больших чугуновых два котла:
В них виноватых рассадили,
Дров под разбойника большой костер взвалили;
Сама Мегера их зажгла
И развела такой ужасный пламень,

Что трескаться стал в сводах адских камень.
 Суд к Сочинителю, казалось, был не строг;
 Под ним сперва чуть тлелся огонек;
 Но там, чем далее, тем боле разгорался.
 Вот веки протекли, огонь не унимался.
 Уж под Разбойником давно костер погас;
 Под Сочинителем он злей с часу на час.
 Не видя облегченья,
 Писатель, наконец, кричит среди мученья,
 Что справедливости в богах нимало нет;
 Что славой он наполнил свет
 И ежели писал немножко вольно,
 То слишком уж за то наказан больно;
 Что он не думал быть Разбойника грешней.
 Тут перед ним, во всей красе своей,
 С шипящими между волос змеями,
 С кровавыми в руках бичами,
 Из адских трех сестер явилася одна.
 «Несчастный! – говорит она, –
 Ты ль Провидению пеняешь?
 И ты ль с Разбойником себя равняешь?
 Перед твоей ничто его вина.
 По лютости своей и злости
 Он вреден был,
 Пока лишь жил;
 А ты... уже твои давно истлели кости,
 А солнце разу не взойдет,
 Чтоб новых от тебя не осветило бед.
 Твоих творений яд не только не слабеет,
 Но, разливаясь, век от веку лютееет.
 Смотри (тут свет ему узреть она дала),
 Смотри на злые все дела
 И на несчастья, которых ты виною!
 Вон дети, стыд своих семей, –
 Отчаянье отцов и матерей:
 Кем ум и сердце в них отравлены? – тобою.
 Кто, осмеяв, как детские мечты,
 Супружество, начальство, власти,
 Им причитал в вину людские все напасти
 И связи общества рвался расторгнуть? – ты, вменяя им,
 Не ты ли величал безверье просвещеньем?
 Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облек
 И страсти, и порок?
 И вон опоена твоим ученьем,
 Там целая страна
 Полна
 Убийствами и грабежами,
 Раздорами и мятежами
 И до погибели доведена тобой!
 В ней каждой капли слез и крови – ты виной.
 И смел ты на судьбу хулой вооружиться?
 А сколько впредь еще родится
 От книг твоих на свете зол!

Терпи ж: здесь по делам тебе и казни мера!» –

Сказала гневная Мегера

И крышкою захлопнула котел.

И.А. Крылов [43]

«Пора проступки
юных дней
Загладить жизнью
моей!»

Страстей мятежные заботы
Прошли, не возвратятся вновь!
Души бесчувственной дремоты
Не возмутит уже любовь.
Пустая красота порока
Блестит и нравится до срока.
Пора проступки юных дней
Загладить жизнью моей!

А.С. Пушкин [44]

«Всечеловек» и
двойственный
человек

Был ли он совсем неверующий? Нет. Достоевский изрек, что был он «всечеловек». Мы же скажем пока, что был он двойственный человек, плотской; душевный и духовный. Служил он больше плоти, но не мог заглушить в себе и своего богато одаренного духа. Глубоко постигал он и неверие, и веру, и не только постигал, но и чувствовал, вмещая в себя и то и другое.

И.А. Ильин [45]

«Напрасный
сердца крик!»

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье:
Имеет он права на ваше снисхожденье.
Взгляните – бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья.
Напрасно ищет он унынью развлеченья;
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет Божества, а сердце не находит.
Лишенный всех опор отпавший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...
Спешит он далее, но вслед унынье бродит.
Во храм ли Вышнего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье.
Он Бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадою тихому внимает он моленью.

«Счастливыцы! – мыслит он, – почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред Богом!»
Напрасный сердца крик! Нет, нет! Не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Влечет несчастного до холодных врат могилы.

А.С. Пушкин [46]

«Ты... обязан
иметь нравствен-
ное достоинство»

«Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богач, и ты более нежели кто-нибудь можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим поэтом; будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, все твое возможное счастье и все вознаграждение. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые, шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! Я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывет, если захочет сам. Плыви, силач! А я обнимаю тебя... По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе. И какое место, если с высотой гения соединить и высоту цели! Милый брат по Аполлону! Это тебе возможно! А с этим будешь недоступен и для всего, что будет шуметь вокруг тебя в жизни».

В.А. Жуковский [47]

«И часто я украдкой
убегал...»

В начале жизни школу помню я:
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смирренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашу окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик младой –
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал –
Волшебный демон – лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал:
В груди младое сердце билось, – холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал – уныние и лень
Меня сковали – тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый – всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

А.С. Пушкин [48]

«Не измените
своего предназна-
чения, друг мой
Пушкин...»

«Нет в мире духовного зрелища более прискорбно-
го, чем гений, не понявший своего века и своего призва-
ния... Не измените своего предназначения, друг мой
Пушкин, обратитесь с призывом к небу, и оно отклик-
нется».

П.Я. Чаадаев [49]

Перепутье – черта
автобиографическая.
Рассуждения
В.С. Соловьева о
пушкинском
«Пророке»:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

«На перепутье» – черта автобиографическая: на
жизненном перепутье Пушкина в 1826 году, между про-
шлыми мечтами и надеждами будущего, явился много-
крылый дух вечной свободной поэзии.

Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,

«И внял я неба
содроганье...»

Как у испуганной орлицы;
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон.

Новых чувств не дает гений поэту; он только усиливает, возводит на высшую ступень прежние чувства, делает поэта духовно более зорким и более чутким?

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Метаморфозы

Но что же такое вдруг случилось? Отчего этот Серафим, божественно-невозмутимый и женственно-нежный, с перстами легкими как сон, вдруг, вместо божественной невозмутимости, начинает проявлять невозмутимость опытного хирурга, а женственную нежность заменяет свирепостью краснокожего индейца?

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый...

Откуда вдруг взялись эти категории порядка нравственного?

И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

Откуда это превращение перстов легких как сон, в кровавую десницу? Входя в область нравственную, приступая к двуногому гаду или хотя бы только к грешному, лукавому и празднословному языку самого избранника, истинная поэзия не может отнестись к нему иначе как отрицательно, она должна признать его подлежащим уничтожению:

У избранника одно
средство – слово

И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык.

Настоящий центр жизни и существа человеческого, конечно, не в языке, а в сердце его, и оно ли останется нетронутым в процессе совершенствования? Задача – спалить зло. Для этого у избранника одно средство – слово. Но для того, чтобы слово правды, исходящее из жала мудрости, не язвило только, а жгло сердца людей, нужно, чтобы само это жало было разожжено сердечным огнем любви. А этот огонь не выходит из земли, и «пророк» не найдет его в своем собственном сердце. Не потому, чтобы оно было по природе злое. Но оно плотское, – трепетное: оно готово на всякое добро, но спалить зло собственными силами оно не может, – для этого нужен Божий огонь. И вот последнее, окончательное действие шестикрылого серафима –

«И божий глас ко
мне воззвал...»

И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул,

И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Как все суетное, не-божье в мире еще прежде должно было стать для «пророка» пустынею, так теперь все суетное, не-божье в нем становится трупом –

Как труп в пустыне я лежал...

Смертно-животворный процесс кончен. Избранник будет отныне говорить и действовать не от себя, не от своей немощи, а именем и силою посылающего его божества –

И божий глас ко мне воззвал:
Восстань, пророк, и виждь, и внемли;
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

В.С. Соловьев [50]

Миссия поэта-
пророка

«Как только Пушкин написал «Пророка», он попал в очень трудное положение. Он сам не понял сначала, что он написал. Потом он постепенно понимал, какая ноша на него возложена, и как он не соответствует возложенной на него миссии поэта-пророка, потому что жить он продолжал точно так, как и до написания «Пророка». В результате этого в конечном счете появилось сначала стихотворение «Воспоминание», где говорится: «И с отворачиванием читая жизнь мою, я трепещу и проклиная, и горько жалуясь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю...» Это стихотворение как изложение одной строки Пятидесятого псалма: «Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну». Автор с отворачиванием взирает на свои грехи подобно Давиду. Но вот последняя строка: «Но строк печальных не смываю». Обратите внимание: Давид, обращаясь к Богу, говорит: «Наиначе омой мя от беззакония моего». А Пушкин говорит: «строк печальных не смываю». Он сам берет на себя – смыть или не смыть. Получается, что стихотворение «Воспоминание» – это покаяние искреннее, с полным сознанием своего греха, но без молитвы, без обращения к Богу, покаяние в никуда, в пустоту. Выходит, что, с одной стороны, Пушкин написал нечто вроде Давидова покаянного псалма, а с другой – «антипсалом». Человек сознает свою греховность, но помощи Божией не просит, от Бога отворачивается. Это – момент отчаяния, грань духовной катастрофы.

И катастрофа совершается. Через неделю появляется «Дар напрасный, дар случайный», где выходит так, что Бог во всем виноват... *В.С. Непомнящий [51]*

«Жизнь, зачем ты
мне дана?»

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

А.С. Пушкин [52]

Анти-«Пророк»

«Это стихотворение, в сущности, есть пушкинский «Пророк», перевернутый с ног на голову. Если в «Пророке» было: «И Бога глас ко мне воззвал», то здесь: «Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал». Если там было: «Духовной жаждою томим», то здесь: «И томит меня тоскою однозвучный жизни шум». Если там было: «Встань, пророк... исполнись волею моей», если там – сердце, в которое вложен «уголь, пылающий огнем», то здесь: «Сердце пусто, празден ум». То есть, если в «Воспоминании» возник как бы антипсалом, то здесь возник анти-«Пророк». Это была духовная катастрофа, пережитая в течение нескольких дней»

В.С. Непомятый [53]

Жизнь от Господа
дана.
Митрополит
Московский
Филарет нежиданно откликнулся
стихотворением

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Господа дана.
Не без цели Его тайной
На тоску осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из бездн земных воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, Забытый мною,
Просияй сквозь сумрак дум, –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светлый ум! [54]

Однажды митрополит Филарет служил в Успенском соборе. Пушкин зашел туда и, скрестив по обычаю руки, простоял всю длинную проповедь. После обедни возвращается домой.

– Где ты был так долго? – спрашивает жена.

– В Успенском.

– Кого там видел?

– Ах, оставь, – отвечает он и, положив голову на руки, зарыдал.

– Что с тобой? – встревожилась жена.
– Ничего, дай мне скорее бумаги и чернил.

И вот, под влиянием проповеди митрополита Филарета Пушкин написал свое дивное стихотворение, за которое, наверное, многое ему простил Господь.

Стансы

(Митрополиту Московскому Филарету)

«Я лил потоки слез
нежданных...»

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

А.С. Пушкин [55]

Ум вдруг опомнился,
усмирился

«Всему своя пора и свой срок. Время изменило лихорадочный бред молодости. Все ребяческое слетело прочь. Сердце заговорило с умом словами Небесного откровения, и послушный спасительному призыву ум вдруг опомнился, успокоился, усмирился; и когда я осмотрелся кругом, когда внимательнее, глубже вникнул в видимое, – я понял, что казавшееся доньше правдой было ложью, чтимое – заблуждением, а цели, которые я себе ставил, грозили преступлением, падением, позором! Я понял, что абсолютная свобода, не ограниченная никаким божеским законом, никакими общественными устоями, невозможна, а если бы была возможна, то была бы гибельна как для личности, так и для общества; что без законной власти, блюдущей общую жизнь народа, не было бы ни родины, ни государства, ни его политической мощи, ни исторической славы, ни развития; что в такой

стране, как Россия, где разнородность государственных элементов, огромность пространства и темнота народной (да и дворянской) массы требуют мощного направляющего воздействия, – в такой стране власть должна быть объединяющей, гармонизирующей, воспитывающей и долго еще должна оставаться диктаториальной или самодержавной, чтобы в ней видели всемогущество, полученное от Бога, чтобы в ней слышали глас самого Бога».

А.С. Пушкин [56]

Диалог Николая I
и Пушкина

«Николай I: Как, и ты враг твоего Государя, ты, которого Россия вырастила и покрыла славой, Пушкин, Пушкин, это нехорошо! Так быть не должно.

Что же ты не говоришь, ведь я жду.

Пушкин: Виноват и жду наказания.

Николай I: Я не привык спешить с наказанием, если могу избежать этой крайности, бываю рад, но я требую сердечного полного подчинения моей воле, и требую от тебя, чтоб ты не принуждал меня быть строгим, чтоб ты помог мне быть снисходительным и милостивым, ты не возразил на упрек во вражде к твоему Государю, скажи же, почему ты враг ему?

Пушкин: Простите, Ваше Величество, что, не ответив сразу на Ваш вопрос, я дал Вам повод неверно обо мне думать. Я никогда не был врагом моего Государя, но был врагом абсолютной монархии.

«Где все правят –
никто не правит»

Николай I: Мечтания итальянского карбонарства и немецких тугендбундов! Республиканские химеры всех гимназистов, лицейстов, недоваренных мыслителей из университетской аудитории. С виду они величавы и красивы, в существе своем жалки и вредны! Республика есть утопия, потому что она есть состояние переходное, ненормальное, в конечном счете всегда ведущая к диктатуре, а через нее к абсолютной монархии. Не было в истории такой республики, которая в трудную минуту обошлась бы без самоуправства одного человека и которая избежала бы разгрома и гибели, когда в ней не оказалось дельного руководителя. Силы страны в сосредоточенной власти, ибо где все правят – никто не правит; где всякий законодатель – там нет ни твердого закона, ни единства политических целей, ни внутреннего лада. Каково следствие всего этого? Анархия! (*Государь умолк, раза два прошелся по кабинету, вдруг остановился*) Что ж ты на это скажешь, поэт?

Пушкин: Ваше Величество, кроме республиканской формы правления, которой препятствует огромность

России и разнородность населения, существует еще одна политическая форма – конституционная монархия.

Николай I: Она годится для государств, окончательно установившихся, а не для таких, которые находятся на пути развития и роста. Россия еще не вышла из периода борьбы за существование, она еще не добилась тех условий, при которых возможно развитие внутренней жизни и культуры. Она еще не достигла своего предназначения, она еще не оперлась на границы, необходимые для ее величия. Она еще не есть вполне установившаяся, монолитная, ибо элементы, из которых она состоит до сих пор, друг с другом не согласованы. Их сближает и спаивает только самодержавие, неограниченная, всемогущая воля монарха. Без этой воли не было бы ни развития, ни спайки и малейшее сотрясение разрушило бы все строение государства. Неужели ты думаешь, что будучи конституционным монархом я мог бы сокрушить главу революционной гидры, которую вы сами, сыны России, вскормили на гибель ей? Неужели ты думаешь, что обаяние самодержавной власти, врученное мне Богом, мало содействовало удержанию в повиновении остатков гвардии и обузданию уличной черни, всегда готовой к бесчинству, грабежу и насилию? Она не посмела подняться против меня! Не посмела! Потому что самодержавный царь был для нее представителем Божеского могущества и наместником Бога на земле, потому что она знала, что я понимаю всю великую ответственность своего призвания и что я не человек без закала и воли, которого гнут бури и устрашают громы.

Ты еще не все высказал, ты еще не вполне очистил свою мысль от предрассудков и заблуждений, может быть, у тебя на сердце лежит что-нибудь такое, что его тревожит и мучит? Признайся смело, я хочу тебя выслушать и выслушаю.

Пушкин: Ваше Величество, вы сокрушили главу революционной гидры, вы совершили великое дело, кто станет спорить? Однако... есть и другая гидра, чудовище страшное и губительное, с которым вы должны бороться, которое должны уничтожить, потому что иначе оно вас уничтожит!

Николай I: Выражайся яснее.

Пушкин: Эта гидра, это чудовище – самоуправство административных властей, развращенность чиновничества и подкупность судов. Россия стонет в тисках этой гидры поборов, насилия и грабежа, которая до сих пор издевается даже над высшей властью. На всем пространстве государства нет такого места, куда бы это чудовище

Россия стонет

не посягнуло, нет сословия, которого оно не коснулось бы. Общественная безопасность ничем у нас не обеспечена, справедливость в руках самоуправств!

Что ж удивительного, Ваше Величество, если нашлись люди, чтоб свергнуть такое положение вещей? Что ж удивительного, если они, возмущенные зрелищем униженного и страдающего Отечества, подняли знамя сопротивления, разожгли огонь мятежа, чтоб уничтожить то, что есть, и построить то, что должно быть: вместо притеснения – свободу, вместо насилия – безопасность, вместо продажности – нравственность, вместо произвола – покровительство законов, стоящих надо всеми и равных для всех. Вы, Ваше Величество, можете осудить развитие этой мысли, незаконность средств к ее осуществлению, излишнюю дерзость предпринятого, но не можете не признать в ней порыва благородного. Вы могли и имели право покарать виновных, в патриотическом безумии хотевших повалить трон Романовых, но я уверен, что даже карая их, в глубине души Вы не отказали им ни в сочувствии, ни в уважении. Я уверен, что если Государь карал, то человек прощал!

Николай I: Смелы твои слова. Значит, ты одобряешь мятеж, оправдываешь заговорщиков против государства? Покушение на жизнь монарха?

Пушкин: О нет, Ваше Величество, я оправдываю только цель замысла, а не средства. Ваше Величество, умеете проникать в души, соблаговолите проникнуть в мою и Вы убедитесь, что все в ней чисто и ясно. В такой душе злой порыв не гнездится, а преступление не скрывается!

Николай I: Хочу верить, что так, и верю, у тебя нет недостатка ни в благородных побуждениях, ни в чувствах, но тебе недостает рассудительности, опытности, основательности. Видя зло, ты возмущаешься, содрогаешься и легкомысленно обвиняешь власть за то, что она сразу не уничтожила это зло и на его развалинах не поспешила воздвигнуть здание всеобщего блага. Знай, что критика легка и что искусство трудно: для глубокой реформы, которую Россия требует, мало одной воли монарха, как бы он ни был тверд и силен. Ему нужно содействие людей и времени. Нужно соединение всех высших духовных сил государства в одной великой передовой идее; нужно соединение всех усилий и рвений в одном похвальном стремлении к поднятию самоуправления в народе и чувства чести в обществе. Пусть все благонамеренные, способные люди объединятся вокруг меня, пусть в меня уверуют, пусть самоотверженно и мирно идут

«Сегодня я
беседовал с
умнейшим
человеком России»

туда, куда я поведу их, и гидра будет побеждена! Гангрена, разъедающая Россию, исчезнет! Ибо только в общих усилиях – победа, в согласии благородных сердец – спасение. Что же до тебя, Пушкин, ты свободен. Я забываю прошлое, даже уже забыл. Не вижу пред собой государственного преступника, вижу лишь человека с сердцем и талантом, вижу певца народной славы, на котором лежит высокое призвание – воспламенять души вечными добродетелями и ради великих подвигов! Теперь... можешь идти! Где бы ты ни поселился, – ибо выбор зависит от тебя, – помни, что я сказал и как с тобой поступил, служи Родине мыслью, словом и пером. Пиши для современников и для потомства, пиши со всей полнотой вдохновения и совершенной свободой, ибо цензором твоим буду я.

Сегодня я беседовал с умнейшим человеком России»

Граф Струтынский [57].

«*Бенкендорф Николаю I: Пушкин в Москве и всюду говорит о Вашем Величестве с благодарностью и величайшей преданностью.*

Через несколько месяцев Бенкендорф: После свидания со мною Пушкин в Английском клубе с восторгом говорил о В.В. и побудил лиц, обедавших с ним, пить за В.В.

Октябрь 1827 года фон Кок, чиновник III отделения: Поэт Пушкин ведет себя отменно хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя» [58].

Я прежде вольность проповедал,
Царей с народом звал на суд.
Но только царских щей отведал,
И стал придворный лизоблюд.

А.Ф. Воейков [59]

«Я смело чувства
выражаю...»

Друзьям

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:

Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнании жизнь моя;
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер – и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою;
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

А.С. Пушкин [60]

Пушкин поддавался внутреннему преобразованию

«Пушкин любил обращать в обществе рассуждения на высокие вопросы, религиозные и общественные, о существовании коих соотечественники его, казалось, и понятия не имели. Очевидно, поддавался он внутреннему преобразованию».

А. Мицкевич [61]

«Пушкин: Золото есть дар сатаны людям, потому что любовь к золоту была источником большего количества преступлений, чем всякая другая страсть. Маммон был самый низкий и презренный из демонов, сатана искушает человека из ненависти к нему, ибо последний свободнее павшего Денницы, укоренившегося во зле.

«Идея Божества прирождена нам»

А. Тургенев: Я вижу, что у тебя самые правоверные воззрения насчет лукавого.

Пушкин: А кто же тебе сказал, что я не правоверный? Я верю Библии во всем, что касается сатаны; в стихах о падшем духе, прекрасном и коварном, заключается великая философская истина. Безобразие никого не искусило, и нас оно не очаровывает.

Идея Божества прирождена нам. Особым таинственным внутренним инстинктом мы познаем иную потустороннюю действительность. И эта действительность столь же реальна, как все, что мы можем трогать, видеть и испытывать. В народе есть врожденный инстинкт этой действительности, то есть религиозное чувство, которое народ даже и не анализирует.

«Как Пушкин созрел!»

В. Жуковский. Как Пушкин созрел, и как развилось его религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я!

А. Смирнова: Я думаю, что Пушкин серьезно верующий, но он про это мало говорит. Глинка рассказал мне, что он застал его однажды с Евангелием в руках, причем Пушкин сказал ему: «Вот Единственная книга в мире: в ней все есть».

Вышеупомянутый Барант сообщает Смирновой после одного философского разговора с Пушкиным: «Я и не подозревал, что у него такой религиозный ум, что он так много размышлял над Евангелием».

По словам князя Вяземского, поэт наш находил неистощимое наслаждение и в Евангелии, «имел сильное религиозное чувство, был проникнут красотой многих молитв (особенно любил покаянную великопостную, которую и переложил стихами), знал их наизусть и часто твердил их» [62].

«Нескудно
наделил Творец
нашего поэта...»

«Епископ Антоний (Храповицкий): Не нужно забывать, что в земной деятельности человеческой высшие дары небесные (а ими нескудно наделил Творец нашего поэта) проявляются в брэнной человеческой оболочке; что задача нравственной жизни есть постепенное отрешение от всего, что есть в этой оболочке низменного, чувственного, себялюбивого и жестокого; что в широте натуры лежит возможность и глубокого отклонения от нравственного идеала, но вместе и возможность самого возвышенного ему служения.

Пушкин: Я женат. Женат – или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невзгоды состояния мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было.

Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах» [63].

«Я жить хочу, чтоб
мыслить и стра-
дать»

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,

И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

А.С. Пушкин [64]

«Обманчивая надежда. Она-то и ускорила его закат печальный, хотя и блеснула на него улыбкою прощальной. Он уже сознательно трудился над переработкою в себе внутреннего нравственного строя; но сознавал, что трудился не особенно успешно, по той именно причине, что много грехов тяготело над его душою и грех тянул его на старую стезю к гибели».

Архимандрит Никанор [65].

«Исполнились мои
желания»

Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель –

Она с величием, он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

А.С. Пушкин [66]

«Я полюбил ее...»

«Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение... Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, все, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование».

А.С. Пушкин [67]

«Сватовство принесло его гордости целый ряд унижений. Супружество, для него уже в поздние годы, при растроченных сокровищах сердца, с цветущей, пока еще не распустившейся юностью, принесло ему много житейского труда, забот и усталость нравственную и физическую. В то же время на этот роскошный распускающийся цвет, окруженный обаятельною и соблазнительною, настоящею, особенно же прошедшею славою мужа, налетел целый рой шмелей, пробавляющихся чужим медом, производя несносное для уха и сердца мужа жужжание. Им оставалось только указывать на прошлое суп-

руга, который нарушил столько супружеских союзов, да нашептывать нежные стихи, которых он же оставил свету больше, чем всякий другой поэт, на собственную погибель» [68].

«Пушкин понял, в чем ложь и в чем истина для него самого и для России. Понял, но далеко не всегда и не во всем следовал своим убеждениям: напротив, весьма часто вновь возвращался к служению страстям и предрассудкам и закончил свою жизнь ужасным преступлением поединка, который сам называл нелепым заблуждением слепого и греховного самолюбия. И давно призываемая им смерть стала у него за плечами» [69].

Диалог

«Пушкин. Что вы думаете о моем положении? Скажите откровенно?»

Врач. Не могу скрыть от вас, вы в опасности.

Пушкин. Скажите лучше, умираю?

Врач. Считаю долгом не скрывать от вас и того.

Пушкин. Благодарю вас, вы поступили как честный человек.

Арендт. Еду к Государю, не прикажете ли что сказать ему?

Пушкин. Скажите, что умираю, и прошу у него прощения за себя и за моего секунданта.

Врач. Не желаете ли вы исповедаться и причаститься?

Пушкин. Охотно.

Врач. За кем прикажете послать?

Пушкин. Возьмите первого ближайшего священника.

Николай I. (Арендту) Повелеваю тебе немедленно ехать к умирающему, прочитать ему письмо, собственноручно мною к нему написанное, и тотчас обо всем довести. Я не лягу, я буду ждать. Письмо же возвратить.

Пушкин. (Раскрыв письмо) Если Бог не велит нам более увидеться, посылаю тебе мое прощение и вместе мой совет: исполнить долг христианский. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свое попечение.

Пушкин вместо ответа поцеловал письмо и долго не выпускал из рук: Отдайте мне это письмо, я хочу умереть с ним.

Арендт. Я испрошу на то позволения у Государя.

Врач. Прибыл и священник, именно о. Петр, что в Конюшенной» [70].

«И вот о чем
крушусь: к суду я
не готов,
И смерть меня
страшит»

Странник

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбью великой
И горько повторял, метаясь, как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?»

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! –
Сказал я, – ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? О горе, горе!»

Мои домашние в смущение пришли
И здоровый ум во мне расстроеным почли.

Пошел я вновь бродить – уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Духовный труженик – влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор – и спросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный –
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».
«Коль жребий твой таков, –
Он возразил, – и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? Зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? Какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь», –
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», – сказал я наконец.
«Иди ж, – он продолжал, – держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» И я бежать пустился в тот же миг.

«Я вижу некий
свет»

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто насмех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городское поле,

Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

А.С. Пушкин [71]

«Мне жаль
умереть...»

«*О. Петр. (Выходит от Пушкина)*: Я стар, мне уже недолго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что для себя самого желаю такого конца, какой он имел» [72].

«*Жуковский*. Может быть, увижу Государя; что мне сказать ему от тебя?»

Пушкин. Скажи, что мне жаль умереть; был бы весь его. (*Карамзиной*) Перекрестите меня. (*Карамзина крептит*) Жду царского слова, чтобы умереть спокойно.

Николай I. Скажи ему от меня, что я поздравляю его с исполнением христианского долга; о жене же и детях он беспокоиться не должен.

Пушкин. Вот как я утешен! Скажи Государю, что я желаю ему долгого-долгого царствования, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю ему счастья в его России.

Данзас. Не поручишь ли ты чего-нибудь, в случае смерти, касательно Дантеса?

Пушкин. Требую, чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином» [73].

Глубокая, удивительная мысль

«Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел ничего подобно тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо. Это было для не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтической! Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое удовольствие-знание. В эту минуту, можно сказать, я видел самую смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина».

В.А. Жуковский [74]

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,

Как в небе реющий ковчег,
 Парит, чуть видный, над горами.
 Далекий, вожденный брег!
 Туда б, сказав «прости» ущелью,
 Подняться к вольной вышине!
 Туда б, в заоблачную келью,
 В соседство Бога скрыться мне!..

А.С. Пушкин [75]

Все грешил и
 калялся...

«Один все грешил и калялся, – и так всю жизнь. Наконец, покаялся и умер. Злой дух пришел за его душой и говорит: «Он мой». Господь же говорит: «Нет, он калялся». «Да ведь хоть калялся и опять согрешал», – продолжал дьявол. Тогда Господь ему сказал: «Если ты, будучи зол, принимал его опять к себе после того, как он Мне калялся, то как же Мне не принять его после того, как он, согрешив, опять обращался ко Мне с покаянием? Ты забываешь, что ты зол, а Я благ».

Преподобный Амвросий (Оптинский) [76]

Он родился
 христианином... и
 умер христиани-
 ном

«Великие люди как люди, без сомнения, глубоко иногда падают, но зато и восстают, и каются, и прошлое смыывают, заглаждают, и являются опять-таки великими в своем восстании. Он родился христианином, жил полухристианином и полуязычником, а умер христианином, примиренным со Христом и Церковью» [77].

«О чем нам следует молиться в эту минуту? О, о многом. О почившем, а еще больше о себе, чтобы с его примера не разливался между нами языческий культ. Посмотрите, до него все наши лучшие писатели, Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский, были истинные христиане. С него же, наоборот, лучшие писатели стали прямо и открыто совращаться в язычество, каковы Белинский, Тургенев, граф Лев Толстой.

Помолимся о том, чтобы подражатели великого поэта в следовании языческому культу по вере и нравам, последовали за ним и в усилиях его переделать свой нравственный строй по высочайшему, безупречно чистому идеалу Христова Евангелия, в его искреннем раскаянье в последние минуты жизни и в христианской кончине, по примирении с Богом и совестью и Церковью Христовою».

Архиепископ Никанор (Бровкович) [78]

Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
 Любоначала, змеи сокрытой сей,
 И празднословия не дай душе моей –
 Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,

Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

А.С. Пушкин [79]

1. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. II. С. 206.
2. Цит. по: Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 8.
3. Анненков П.В. Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 15.
4. Григорьев А.А. Собр. соч. Вып. 6. М., 1915. С. 10.
5. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 187.
6. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1937. С. 59.
7. Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 10.
8. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1937. С. 291–292.
9. Ежегодная богословская конференция. М., 1997. С. 78.
10. Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 10.
11. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 215.
12. Там же.
13. Лермонтов М.Ю. Избран. соч.: В 2 т. М., 1959. Т. I. С. 170.
14. Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 194–198.
15. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1937. С. 59.
16. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 185–186.
17. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. I. С. 44.
18. Шильдер Н.К. Николай I. СПб., 1867. Т. I. С. 427.
19. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. I. С. 44.
20. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 31–32.
21. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. II. С. 16.
22. Полярная звезда. М., 1968. Кн. 6. С. 108–112.
23. Там же. С. 121.
24. Там же. С. 125.
25. Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 9.

26. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. IX. С. 53.
27. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. II. С. 13.
28. Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 3.
29. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. IV. С. 27.
30. Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 113.
31. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. I. С. 165.
32. Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 121.
33. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. II. С. 165.
34. Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина. М., 1994. С. 47.
35. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. V. С. 166.
36. Полярная звезда. М., 1968. Кн. 6. С. 108–112.
37. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. III. С. 222.
38. Там же. Т. VIII. С. 160.
39. Там же. Т. VIII. С. 199.
40. Там же. Т. III. С. 651.
41. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 185–186.
42. Там же. С. 189.
43. Крылов И.А. Соч.: В 2 т. М., 1969. Т. I. С. 178.
44. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. VI. С. 340.
45. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 192.
46. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. I. С. 243.
47. Там же. Т. XIII. С. 144.
48. Там же. Т. III. С. 225.
49. Там же. Т. XIV. С. 411.
50. Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 249–260.
51. Ежегодная богословская конференция. М., 1997. С. 81.
52. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. III. С. 104.
53. Ежегодная богословская конференция. М., 1997. С. 81.

54. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 157.
55. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. III. С. 212.
56. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 287.
57. Там же. С. 289–293.
58. Там же. С. 296.
59. Там же. С. 294.
60. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. III. С. 48.
61. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. I. С. 142–143.
62. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 98.
63. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. X. С. 19.
64. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. III. С. 228.
65. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 197.
66. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 17 т. М., 1937–49. Т. III. С. 224.
67. *Мадорский А.* Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 120.
68. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 198.
69. Там же. С. 143.
70. Там же. С. 200–202.
71. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. II. С. 440–442.
72. *Мадорский А.* Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 348.
73. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 203–204.
74. Друзья Пушкина. М., 1984. Т. I. С. 372.
75. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. II. С. 269.
76. *Мадорский А.* Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998. С. 347.
77. А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996. С. 207.
78. Там же. С. 208–211.
79. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. II. С. 456.

